

Рис. М. ЧЕРЕМНЫХ

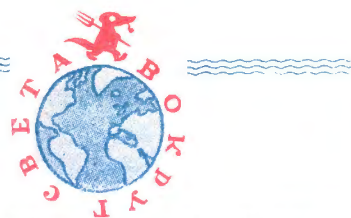
Вместо строчек только точки...

КРОКОДИЛ

№ 5 (1295) МОСКВА 20 ФЕВРАЛЯ 1952

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА»
ГОД ИЗДАНИЯ XXX

ЦЕНА НОМЕРА — 1 р. 20 к.

„БЕДНЫЕ БЕЖЕНЦЫ“ БЕЗ МАСОК

Разительное сходство этих типов с куклуксклановцами не должно обмануть читателей. Это не куклуксклановцы. Как утверждает журнал «Тайм», это гонимые и страждущие служители церкви, бежавшие в своё время из Западной Украины.

Газета «Дейли компас» раскрывает, чем именно были заняты святые отцы на Украине. Священнослужители прибыли сюда на запятках немецкого фашистского обоза, после чего «они посылали целые семьи в камеры смерти, помогали немцам отыскивать и убивать тех, кто оказывал им сопротивление».

Чьи пороги обивали и где мыкались эти «гонимые» до своего прибытия на обетованную землю Америки, неизвестно. Известно лишь, что в США им оказали не только тёплый приём, но и обеспечили твёрдую материальную базу. Обозреватель «Дейли компас» разъяснил: «Они будут получать деньги из террористического фонда, созданного по закону о взаимном обеспечении безопасности».

Делегаты же США в ООН утверждали, что по этому закону жалостливые бизнесмены оказывают «гуманную помощь бедным беженцам».

В США «бедные беженцы» нашли ценителей своих талантов. Их фотографируют, берут у них интервью, принимают в свете, не брезгают пожимать им руки. Ценят их, однако, не за клерикальный опыт (тут они себя не проявили), а за опыт в предательствах, шпионаже и убийствах, накопленный ими под руководством нацистов. Фотографируют их в масках, а имена скрывают под кличками Икс и Игрек. Это понятно. Маска как подробность туалета популярна среди убийц, гангстеров и куклуксклановцев. Бизнесмены прочат своих новых любимцев — «бедных беженцев» — к такой деятельности, где без масок не обойтись.

„АНГЕЛЫ-ХРАНИТЕЛИ“

Традиционные рождественские рассказы часто посвящались голодным и холодным детям. Бродя по улицам в поисках ночлега, дети замирали у освещённого окна, заглядевшись на чужую ёлку. Шёл снег. Замерзающим мальчикам и девочкам чудился шорох крыльев: то прилетали ангелы, чтобы унести детей на небо.

Этой зимой в маршаллизованной Европе было много замерзающих мальчиков и сколько угодно голодных девочек. Ангелов же заменили летающие в европейском небе американские конгрессмены.

Летало их много. По сообщению журнала «Тайм», как только конгресс был распущен на каникулы, около 120 членов этого учреждения немедленно разлетелись кто куда. Большинство же полетело в Европу.

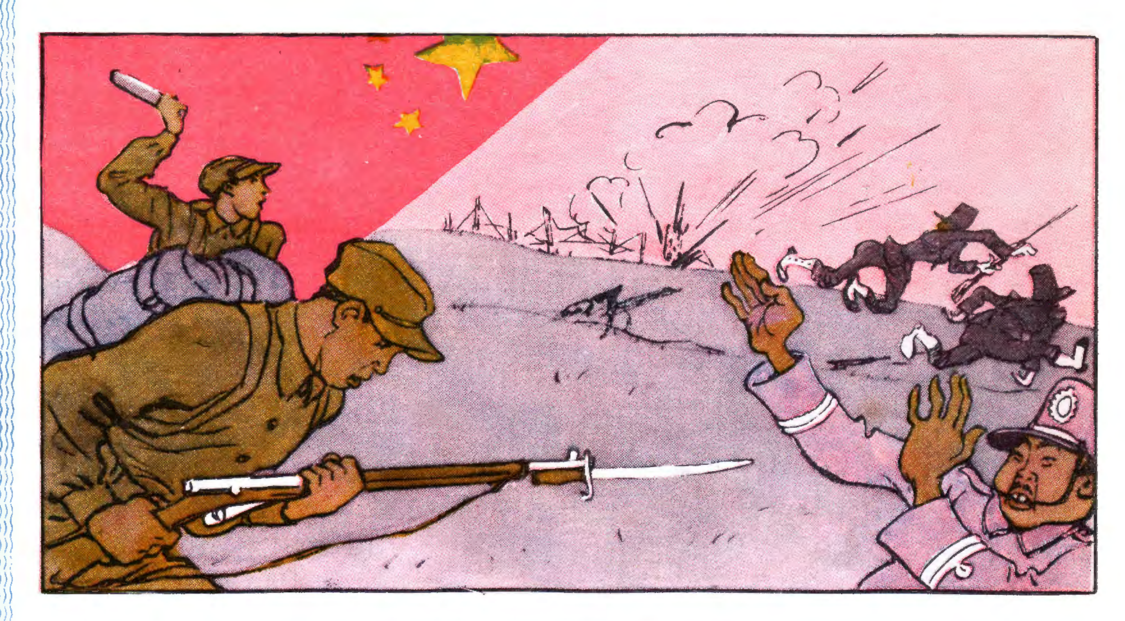
Вся сотня пожилых сенаторов и членов палаты представителей не только веселилась в Европе, но и выполняла официальные поручения. Поэтому самолёты, отели, кабаки, подарки сенаторским жёнам и подругам — всё это оплачено американскими налогоплательщиками.

Хозяйство у США большое. Тут надо осмотреть, в порядке ли военные базы, там проверить, не сильно ли крадут чиновники из администрации «плана Маршалла», — дел много. И конгрессмены ведут себя в Европе, как на своих плантациях где-нибудь в Южной Каролине или Джорджии: они проверяют, распекают, поощряют, а главное, выжимают соки.

Гудят самолёты в чёрном зимнем небе маршаллизованных стран. То дозором облетают свои владения подручные Уолл-стрита. Они всё стремятся уверить Европу в том, что являются её «ангелами-хранителями». Пока их сходство со сказочными ангелами ограничивается одним: многим европейским детям они помогли переселиться на небо.

Департамент сельского и лесного хозяйства Народного правительственного совета Северо-Восточного Китая обсудил вопрос о создании государственной полезащитной полосы протяжённостью 1 700 километров.

Рис. К. ЕЛИСЕЕВА

Сначала подготовили почву...

... а потом приступили к посадкам.

Николай АЛЕХИН

(РАССКАЗ КОЛХОЗНИКА)

В САМЫЙ разгар молотьбы к нам на полевой ток нежданно-негаданно заявился незнакомый человек. Свернул с просёлочной дороги, кепкой всех присутствующих поприветствовал и что-то хорошее сказал, а что — трактор и молотилка понять не дали, шумом покрыли.

Он в новом костюме синего цвета, с галстуком, но совершенно босой; ботинки за плечами, на привязи болтались. Из молодых, как видно, уже вышел, но и к старым ещё не прибился — серёдка на половинке. Ростом невелик, а собой плотный, кряжистый.

Где чего не знаешь, догадка помогает. Я и говорю Емельяну Трофимовичу, заведующему током:

— Это, наверное, уполномоченный.

Мою догадку Емельян Трофимович не поддержал. Как всегда, рассудил по-своему, со всей тонкостью:

— Уполномоченные с голыми ногами не ходят, а всегда для авторитета в обутом виде. Это раз. Они знакомятся за руку и начинают задавать вопросы, а не сидят в стороне. Это два. Данное лицо — только проходящий мимо, притом случайно. Это три...

Рассудил вот так, по пунктам, и подёргал себя за усы. После того снова окунулся в общее руководство работами на току. А у меня до прихода транспортной автомашины немного свободного времени оставалось.

Вот я, любопытства ради, с самого близкого расстояния, но, конечно, с соблюдением скромности, и начал приглядываться к проходящему. Он головой туда, сюда, и вправо, и влево, и вниз, и вверх водит. Рассматривает без разбору всё подряд.

Думаю: что он такое особенное видит — и начинаю тоже, вроде него, смотреть по сторонам.

Вокруг всё, как всегда, самое обыкновенное. Земля, будто ёжик, щетинится жнивьём. На жнивье скирды пшеничной соломы, невдалеке пролегла полезащитная лесная полоса. Молоденькие деревца куда-то бегут, бегут в дальнюю даль. С нами рядом современная сельскохозяйственная техника. Вокруг техники колхозники хлопочут. А над ними небо плывёт и солнце светит... Вот и всё.

А он что-то ещё видит. И вдобавок к чему-то прислушивается.

Я тоже уши навострил... Трактор ревёт, гудит, такт отбивает. Ему то басом, то тенором отвечает молотилка. Весело перекликаются молотильщики. Обыкновенный шум работы. А вот, поди ж ты, чего-то ему слышится, этому сидящему проходящему. Улыбается, словно у солнца в зятьях ходит... И, улыбаясь, обувается. Неясный человек!.

Меня позвали: приехала порожняя автомашина. Я — к весам. Моё дело — зерно с тока государству отпускать и для учёта записывать, путёвки шофёрам заполнять на каждый рейс. Это я исполнил и возвратился на свой наблюдательный пункт. Чемодан стоит, а человека нет. Емельян Трофимович говорит:

— Ты глянь, чего он разделывает!

Я глянул, и у меня без прямого умысла против заведующего вырвалось:

— Вот так проходящий мимо!

Он уже на помосте, возле молотилки. В молотильный барабан снопы подаёт. Да ещё как: один за другим, в затылок, только успевай новые подбрасывать! А молотилка хоть бы тебе на секунду захлебнулась! Работает ровно, одним тоном, с большой, но равномерной нагрузкой.

Словом, он такой разбег работе дал, что вначале женщины не успевали солому из-под молотилки убирать и только просили:

— Полегче, на пятки наступаешь!

А те, что снопы к молотилке подавали, говорят:

— Чуть-чуть потише, не догоним!

Потом все приноровились, увлеклись скоростью, вошли в быстрый ритм, и дело пошло. Даже покрикивают:

— Давай огоньку!

А он в ответ:

— Снопы давайте!

Кепку сбросил, пиджак сбросил, галстук сбросил. Распалился работой.

Емельян Трофимович видит, что его вроде как бы от руководства отпихнули, за усы себя дёргает и строго говорит машинисту молотилки:

— Ну, вот что... как бы молотилка не тово...

— Выдержит! — отвечает машинист и с удовольствием считает снопы.

Емельян Трофимович к трактористу:

— Ты тово... как бы мотор не перегрелся.

— Боюсь, как бы не разморозить! Давай разбег!

Подёргал Емельян Трофимович себя за ус и со всей тонкостью рассудил, что против воли народа идти нельзя, а народ спорую работу любит. Сам за вилы взялся, на подмогу. Я тоже. Снопы подаю, но общей картины из виду не теряю. По дороге кто-то на телеге ехал. Лошадь остановил, к нам подался. Оказалось, Ефим Андреевич Катюрин, мой — седьмая вода на киселе — дальний родич из колхоза «Высокий». Он разъездным конюхом в правлении колхоза работает. Подошёл. Поздоровался. Я спрашиваю:

— Куда ездил?

— На станцию. Одного человека в гости ждём, а он не приехал.

Вверх на помост глянул да как спохватится:

— Вот он! Снопиками играет. Как же я его проглядел? Теперь от председателя попрёков не оберёшься.

— А кто же он такой?

— Член нашего колхоза.

— Недавний, что ли?

— Ого, недавний! С малых лет. Но вот уже годов десять, как в отлучке. А сейчас на побывку приехал.

— А где ж он работает?

— В артиллерии. Командиром дивизиона. Майор. Боевых орденов полная грудь.

Емельян Трофимович, сам старый пушкарь, усы торчком взвинтил:

— То-то я смотрю: в его руках молотилка, будто «Катюша», заиграла. Вот она, артиллерийская скорострельность! Это у нас по боевому уставу называется «беглый огонь».

Я в полном недоумении. Стою и рассуждаю:

— Вот поди ж ты!

Ефим Катюрин кричит вверх, на помост:

— Егору Ивановичу почтение! С приездом в родной колхоз! Не пора ли до дому, восвояси?

А Егор Иванович как обернётся всей своей литой фигурой:

— Боеприпасы давай!

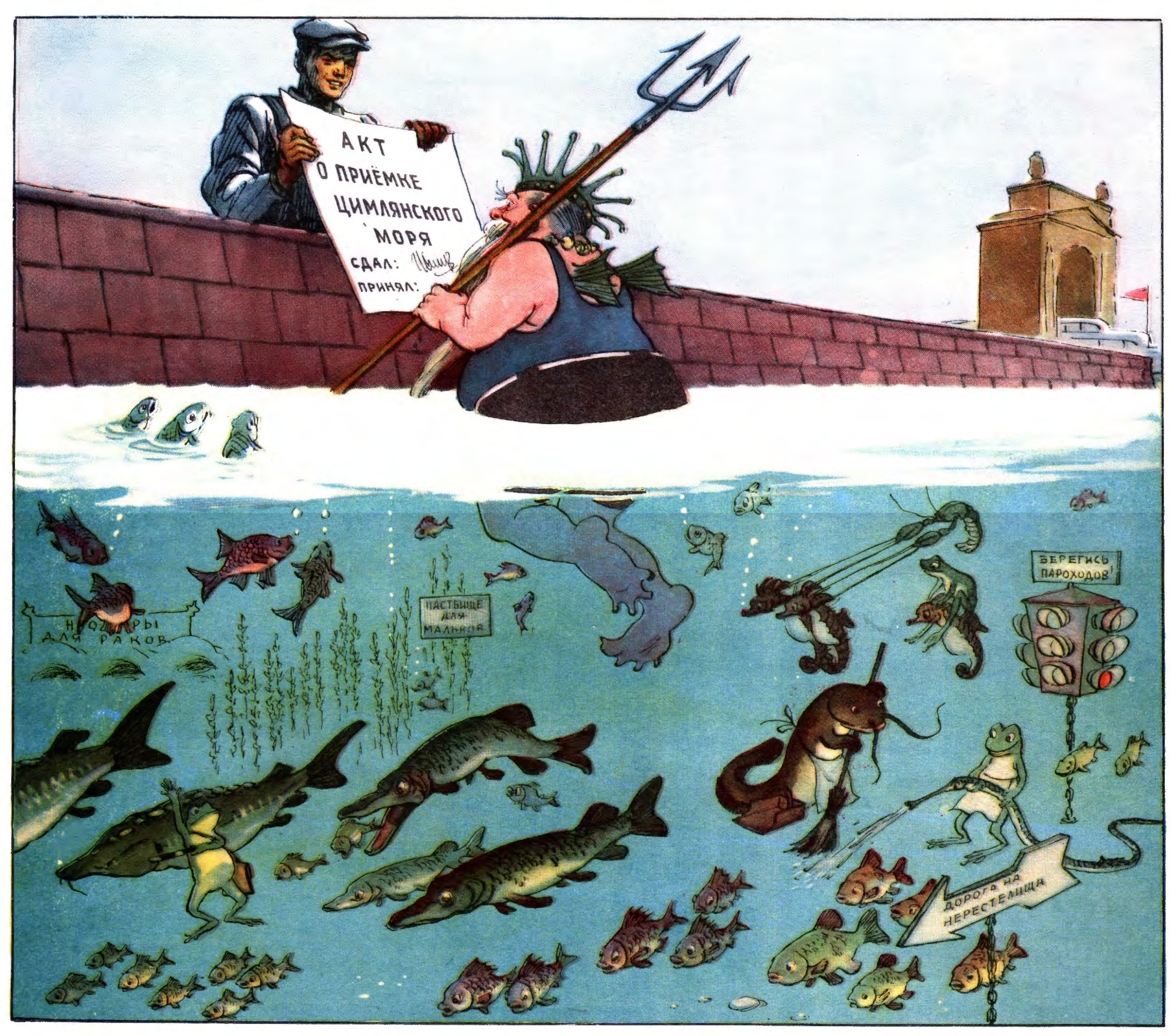
И мы, как по воинской команде, за вилы да к снопам.

г. Воронеж.

Рис. И. СЕМЕНОВА

СДАЛИ В СРОК

— Распишитесь, гражданин Нептун, в приёмке!

Владимир ИВАНОВ

Братья халтурщики

При свете солнышка они
Боятся показаться.
Обычно прячутся в тени
Замшелые два братца.
Они — Авось да Как-Нибудь —
Сторонкой, если можно,
Бочком стремятся проскользнуть,
Пробраться осторожно.
Туда они не сунут нос,
Где, скажем, строят паровоз
Иль мощную турбину.
Легко понять причину:
Там для замшелых места нет!
А коль с изъяном табурет
Или печная дверца?
— Немного вкривь, немного
вкось...
Да ладно, — говорит Авось, —
К чему тревожить сердце!
— Ну, ладно, — вторит
Как-Нибудь,—
Брачок как будто малый.
Не придираясь коль взглянуть,
Так и сойдёт, пожалуй.

...Спектакль назначен выездной,
И лезут братцы смело.
Будь на площадке основной,
Тогда — другое дело.
А здесь полегче разговор,
Не столь придирчив режиссёр...
— Дать снисхожденье просим,
Пониже качество чуть-чуть! —
Поёт халтурщик Как-Нибудь
С халтурщиком Авосем.

...Два братца тихим вечерком
Заходят скромненько в завком,
Они там не в почёте,
Но щёлка есть в работе.
И на авось и как-нибудь
В завкоме можно «провернуть»
«Вопрос десятый» явно
И «надцатый» подавно!

...Бредут два братца не спеша
И видят — школа хороша.
Сурово на пороге
Стоит директор строгий.
Как братцам в школу
проскользнуть?
— Постой-ка, — шепчет
Как-Нибудь, —
Есть щёлка в расписанье.
Ты видишь: «Р и с о в а н ь е».
Как узнавал я стороной,
Предмет — не основной.
За мной!..

Бредут Авось да Как-Нибудь
Извилистой тропою.
Ведут, как правило, свой путь
Неслышною стопою.
Следы же явственно видны.
И до чего ж они вредны,
Ехидные два братца!
В любых делах, любых трудах,
В любых «невидных мелочах»
Пора до них добраться!

Ленинград.

ИХ МОЮТ ДОЖДИ...

КАК часто в середине зимы люди, поёживаясь от холода, мечтают: «Скорей бы весна... Скорей бы потеплело...» Их воображению рисуются идиллические весенние картинки: звонкие ручьи, цветочки подснежники, молодая травка.

И вдруг в этом году оттепель наступила, так сказать, во внеурочное время.

Зимнее солнышко проявило неожиданно прыть, и гипсовая физкультурница, зябнувшая во дворе Липецкого механического завода, скинула снежное одеяние и превратилась из Снегурочки в купальщицу. По заводскому двору побежали ручьи... И вот тут-то из-под снега вопреки всем правилам природы стали показываться не цветочки, а сразу ягодки.

Первые «ягодки» были обнаружены за цехами: огромный безобидный сугроб осел под лучами солнца и оказался... кучей ручных насосов.

Из-под другого сугроба, стыдливо краснея, появился мокрый токарный станок. Покраснел он и от ржавчины и от стыда за тех, кто бросил его под открытым небом.

Ещё дальше, как киты из морской пучины, из-под снега показались проржавевшие многотонные паровые молоты. Эти краснеют за Министерство сельского хозяйства СССР, которое прислало их сюда, хотя и знало, что молоты заводу не нужны.

А солнце, как придирчивый ревизор, продолжало шарить по заводскому двору, делая всё новые и новые открытия.

То, что по бумагам числилось тремя новенькими расточными станками, оказалось двумя развалинами. Станки погибли во цвете лет, так и не побывав на производстве.

Справедливости ради отметим, что не все механизмы, ржавея, пасутся стадами на заводском дворе. Некоторым посчастливилось, и они пребывают в зимней спячке под крышей. Мирно покоится под грудами формовочной земли незаконченная механизация обрубного отделения литейного цеха. А какие были замыслы у главного инженера завода Сергея Дмитриевича Пирогова! Но человек он горячий: пока горит — строит, остыл — и вся работа застыла.

Такая, мягко говоря, болезненная смена температур обошлась государству в 100 тысяч рублей.

— Скажите, — деликатно спросили мы у главного бухгалтера завода Дмитрия Васильевича Сапрохина,— а как вы оформили эти деньги? Может быть, по статьям «Халатность» или «Недобросовестность»? Или есть у вас статья под названием «Преступная беспечность»?

— Таких статей нет,— кротко ответил Дмитрий Васильевич.— Мы всё, что товарищ Пирогов не доделывает, проводим по другой статье.

— Простите, а разве товарищ Пирогов ещё что-нибудь не доделал?

— А как же! Конвейер в литейный цех делал? Делал. Не доделал? Не доделал. Ямы под сбор стружки копали? Копали. А потом обратно закопали? Закопали. Вот мы всё это и провели по статье «Ремонт зданий и оборудования».

— Но позвольте,— удивились мы,— какой же это ремонт?!

— Мы бухгалтерия,— сказал Дмитрий Васильевич. — Наше дело — провести.

— Кого провести?!

Ответа не последовало...

Оттепель... Вода с крыши течёт по стене мимо призыва «Борись с браком» прямо на готовую продукцию.

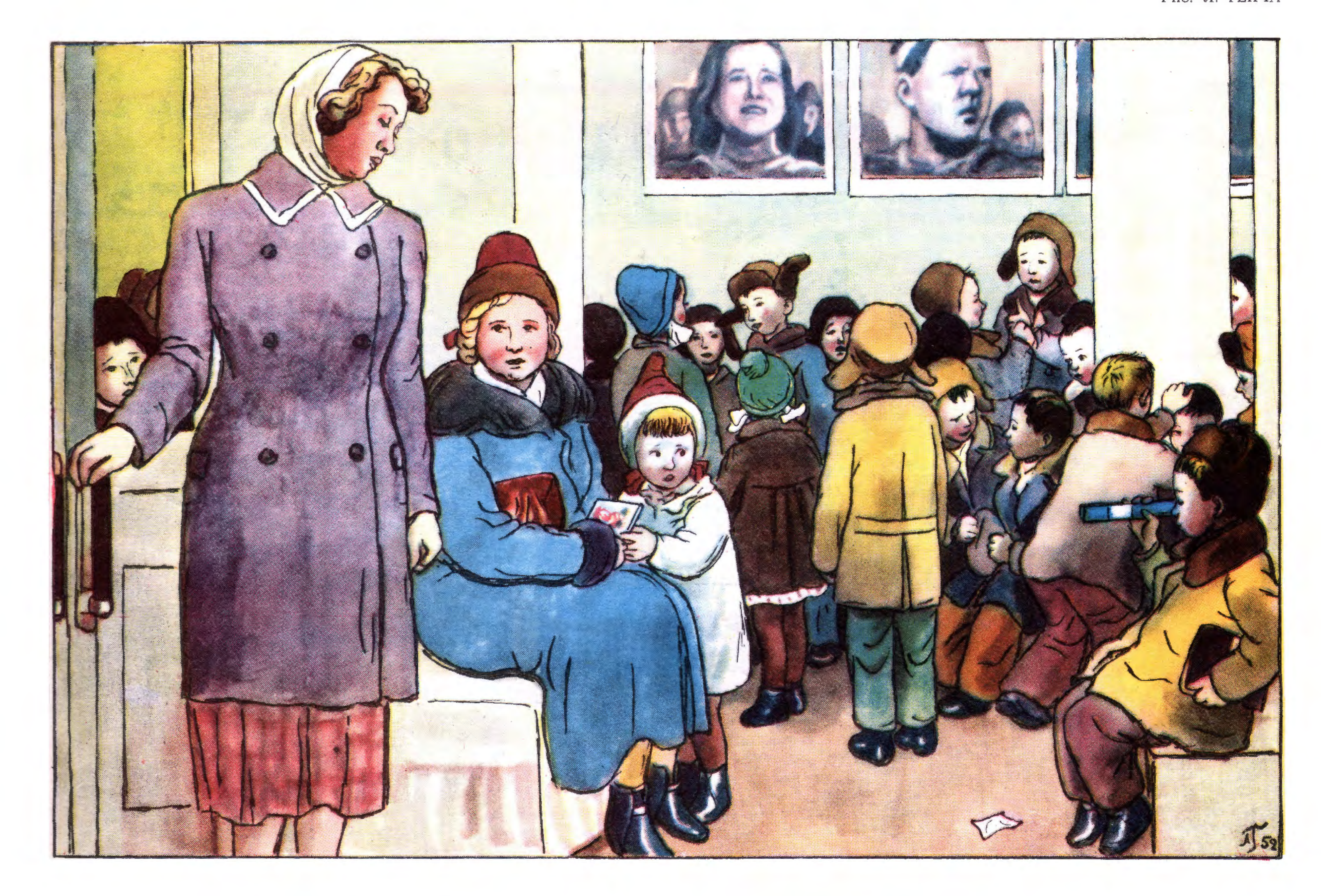
Оттепель... Текут ручьи. В воздухе досрочно носятся запахи весны. А на Липецком механическом заводе мечтают о сугробах. Под ними-то легко будет скрыть следы бесхозяйственности.

Я. СЕГЕЛЬ,
специальный корреспондент Крокодила

г. Липецк,
Воронежская область.

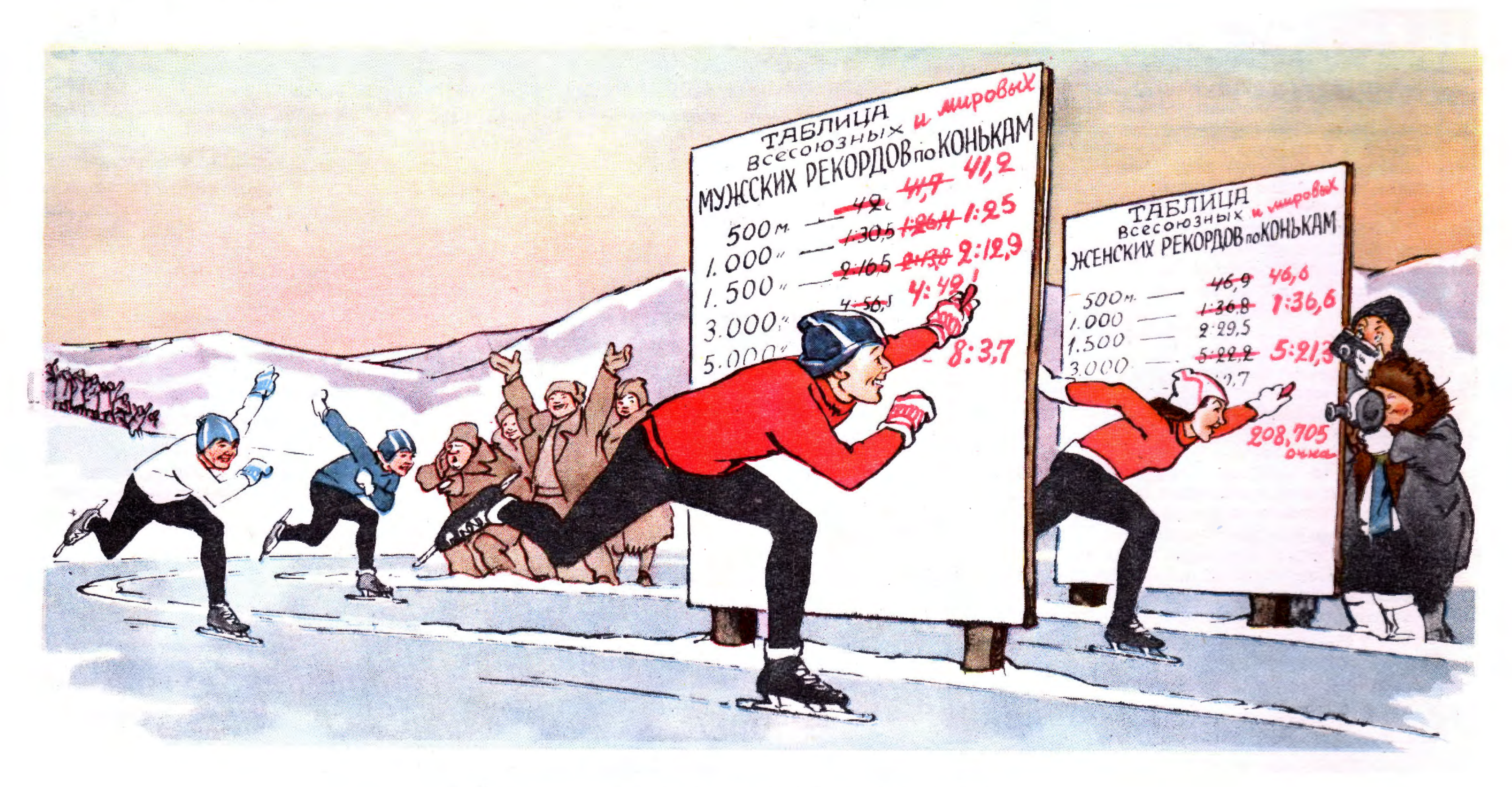
ВСЕМУ СВОЕ ВРЕМЯ

Рис. Л. ГЕНЧА

— Почему в вашем кинотеатре никто не занимается с детьми!
— Так ведь теперь не каникулы!

Рис. Ю. УЗБЯКОВА

Всё переделывают и исправляют на полном ходу.

ОРЕХ ИЛИ БОБ?

Минувшей весной днепропетровские домохозяйки, поджаривая сочные пончики, весьма похвально отзывались о новом сорте растительного масла, продававшегося в магазинах под названием арахисового. Возможно даже, что именно, смакуя очередную порцию этих пончиков, один из местных железнодорожных начальников и воскликнул:

— Арахис? Припоминаю! Это слово я уже встречал как-то в накладных.

Быстро наведённая им справка подтвердила, что полгода назад местный масложиркомбинат получил партию груза под названием «арахис обрушенный» и что тариф за его перевозку взыскан применительно к «орехам всяким».

— Какой же это орех? Да ещё всякий? — заметило железнодорожное начальство, проглатывая последний пончик. — К тому же в накладной написано слово «обрушенный», то есть скорлупы лишённый... А раз он без скорлупы, — значит, считается ядром, и тариф полагается применить повышенный, как к «ядрам ореховым». Следовательно, налицо недобор. Взыскать!..

Решено — и сделано. Срочно составили акт «о переименовании арахиса обрушенного в ядро орешка арахидного». Но получатель — масложиркомбинат — подписать акт категорически отказался.

— Что вы? Помилуйте! — взмолился он. — Масло давно уже продано. К тому же ваши правила разрешают переименовывать груз, только пока он на станции, а вы вон когда вспомнили! И вообще надо ещё разобраться, орех это или ядро.

Каждая из сторон срочно запросила Москву, но сотрудники Министерства путей сообщения и Министерства пищевой промышленности во мнениях разошлись. Дело перешло в суд.

Народный суд 2-го участка Кировского района города Днепропетровска вызвал эксперта и поставил вопрос ребром:

— Орех или ядро?

— С агробиологической точки зрения, — отвечал эксперт, — плод арахиса, независимо от отсутствия верхней шелухи, не является ядром ореха, а бобом. Об этом совершенно ясно сказано в Сельскохозяйственной энциклопедии.

Однако у представителя дороги юриста Каминского была на агробиологию своя точка зрения.

— Протестую! — решительно заявил он. — Ваша энциклопедия устарела.

Суд всё-таки отказал дороге в иске.

Однако научный спор продолжался. Орех или боб? Боб или семя? Орех или ядро? Эти животрепещущие вопросы на время заслонили от некоторых местных командиров транспорта задачи подготовки паровозов к зиме, ремонта вагонов, соблюдения графика.

Местный Научно-исследовательский институт сельского хозяйства на запрос железной дороги ответил, что решить спор «не представляется возможным без осмотра указанных ягод».

— Как можно осмотреть ягоды, когда истец уже съел последний пончик, поджаренный на полученном от них масле?! — вскричал ответчик и немедля потребовал заключение от Института зернового хозяйства, а там вновь подтвердили первое мнение эксперта.

В кабинетах руководителей дороги массивные томы сельскохозяйственной литературы плотно прикрыли небольшие книжки правил технической эксплуатации. Заместитель начальника дороги генерал-директор тяги 3-го ранга Хрычиков без устали подписывал разные запросы, справки, кассации, авторитетно утверждая, что «нельзя отвергать название арахиса орехом и арахиса обрушенного ядром ореха».

Но для обеспечения победы истцу нужны были научные авторитеты. В суд было представлено заключение Сотникова, преподавателя эксплуатационного факультета Днепропетровского института инженеров транспорта. На основе неопровержимых данных об организации движения поездов он, как кандидат технических наук, категорически утверждал, что «арахис — китайский орех, иерусалимский миндаль, а как миндаль также относится к группе арахиса». Следовательно, делает вывод учёный, платите, друзья, денежки...

Был запрошен Институт биологии растений и агрохимии Академии наук Украины: уж там, наконец, точно разъяснят истину. Ответ академии был предельно лаконичен: спор о том, является ли арахис бобом или орехом, является праздным, схоластическим спором. Боб и орех — понятия ботанические, давно установленные для обозначения типов плодов.

Учёные пояснили свою мысль: «Белая акация тоже относится к семейству бобовых. Однако никому не придёт в голову при перевозке древесины из акации приравнивать её к соломе гороха лишь на том основании, что оба они относятся к семейству бобовых». Вот теперь ясно. Нельзя же на самом деле путать солому с акацией.

И областной суд поддержал решение народного суда.

Казалось бы, всё ясно, тяжбе пришёл конец. Но не таковы днепропетровские железнодорожные начальники, чтобы отступать. Дело перешло в Верховный суд республики, а оттуда в Верховный суд СССР.

На судебные издержки дорога уже истратила более 160 тысяч рублей.

Орешек попался твёрдый и весьма дорогой.

Л. ЛЕВИН

Алексей МАЛИН

ПРИМЕТЫ ВРЕМЕНИ

Однажды, дав Пегасу шпоры,
В приливе юношеских сил
Один поэт, знаток фольклора,
Такие строки сочинил:
Молодой казак садится
На горячего коня.
Не грусти, краса-девица,
У высокого плетня!
По-над степью ветер мчится,
По-над кручей гнёт лозу.
Я тебе, краса-девица,
Полушалок привезу...
Но тут спросили у поэта:
— Где ж современности приметы?
Придя домой, налёг поэт
На привнесение примет
И в результате привнесенья
Так освежил стихотворенье:
Молодой казак садится
На колхозного коня.
Не грусти, краса-девица,
У колхозного плетня!
По-над степью ветер мчится,
По-над кручей гнёт лозу,
Я тебе, краса-девица,
Экскаватор привезу...
Освоив времени приметы,
Осовременив свой сюжет,
Бежит в редакцию газеты
Неунывающий поэт...

* * *

Что удивительней всего —
Кой-где печатают его!

г. Симферополь.

„НЕОБХОДИМО ПРОАНАЛИЗИРОВАТЬ"

Недавно на первой странице пензенской областной газеты появилась статья инженера-методиста Пензенского областного управления сельского хозяйства тов. Шишова «Сельскому хозяйству — квалифицированные кадры». Очень обстоятельная статья! Автор её ставит в пример всем остальным Белинскую районную школу механизации.

Белинцы, мол, и разрез самоходного комбайна своими силами изготовили и экскурсию в передовую тракторную бригаду Топилина провели. Дело осталось за немногим:

«Сейчас необходимо вдумчиво проанализировать собранный материал...»

Но, представьте себе, преподаватели Белинской школы дружно протестуют. Против такой похвалы протестуют!

Хвалите, говорят, нас за то, что мы делаем. А разреза самоходного комбайна у нас нет и не бывало. А материалы, собранные на экскурсии в бригаду Топилина, мы «вдумчиво анализировать» не можем, потому что такой экскурсии не предпринимали.

И всё это было бы тов. Шишову известно, если бы он хоть раз за два года побывал в школе, работу которой он так тщательно анализирует...

ВИЛЫ В БОК

СИЛЬНЫЙ НОМЕР

На Каунасской фабрике «Лима» (Литовская ССР) произошло знаменательное событие: председатель месткома тов. Аленис, комсорг фабрики тов. Шевченко и начальник отдела кадров тов. Ездаков решили помочь художественной самодеятельности.

Был спешно составлен список чтецов, певцов и танцоров. Руководителем художественного коллектива назначили члена месткома тов. Калинаускаса, а всю полноту ответственности за сбор в приказном порядке возложили на... сторожа проходной будки тов. Нарбутаса.

Сторож от такого почёта отказался наотрез:
— Не имею права отлучаться с поста.

Но администрация не посчиталась с этими доводами, и на доске объявлений появилось грозное распоряжение за № 97:

«Сторожа проходной будки тов. Нарбутаса за невыполнение приказа начальника отдела кадров и срыв общественных мероприятий по организации художественной самодеятельности и за халатное к ней отношение с работы уволить».

Мы не сомневаемся, что в будущем художественная самодеятельность на фабрике «Лима» всё же расцветёт. Но пока наиболее сильным и выразительным номером является приказ за № 97.

ЧУТКАЯ ДУША

Рис. А. БАЖЕНОВА

Бывают случаи, когда комиссия по распределению мест для молодых специалистов, окончивших вузы, разлучает мужей с жёнами и направляет их на работу в разные города.

— Вас, как друзей, я направляю вместе на работу в Хабаровск!
— А наших жён!
— Их, как подруг, я тоже не хочу разлучать и направляю обеих во Львов!

Фахри ЭРДИНЧ

КРИВОЕ ЗЕРКАЛО

Фахри Эрдинч — прогрессивный турецкий писатель, поэт и публицист, представитель реалистического направления в современной турецкой литературе. За свою коммунистическую деятельность неоднократно подвергался преследованиям, арестам и тюремным заключениям.

Эрдинч является активным сотрудником газеты «Йени ышык» («Новый свет»), издающейся на турецком языке в Софии.

КАК-ТО мне пришлось работать корректором в одной стамбульской газете. Это не значит, конечно, что своей работой я мог что-либо исправить. Для того чтобы исправить нашу газету, её надо попросту разорвать и вышвырнуть прочь. Моя обязанность заключалась в том, что я корпел над корявыми строчками лживых статей и исправлял лишь типографские ошибки.

Наша газета только и пригодна на то, чтобы вызывать у читателей головную боль. Продавцы газет — оборванные босые мальчишки, которым их хозяева с улицы Бабыали[1] должны быть обязаны всем своим существованием, — подхватив наши газеты, бегут зимой на рыбный базар, летом — к пароходам или на стадион. Это значит, что наша газета годится или для упаковки в неё рыбы или для того, чтобы делать из неё на стадионе колпаки от солнца.

Наша газета — орган той стороны, откуда дует ветер. Шесть дней в неделю мы превозносим до седьмого неба американскую помощь. В последний же день недели мы для разнообразия пускаем какую-нибудь сенсационную утку о Советском Союзе или о Болгарии. Что касается остальных страниц и столбцов газеты, то недостатка в материале нет. Считай — не пересчитаешь...

Министры приезжают. Министры уезжают. Министры посещают. Министры выступают. Проворовавшийся министр монополий будет судим Верховным судом. Министр торговли, наживший миллионы на махинациях с пшеницей, вышел сухим из воды. Этот министр, защищая себя, воскликнул с трибуны меджлиса:

— У народа — море богатства; тот, кто не пользуется им, — дурак!.. У меня чистый лоб и чистое лицо, потому что я каждое утро умываюсь с мылом!..

Весь меджлис был потрясён криками «браво» и продолжительными аплодисментами. Обсерватория в Кандилли зарегистрировала в 570 километрах от Стамбула землетрясение, продолжавшееся 17 секунд.

Мы можем продолжать и дальше.

Демократическая партия желает бесхитростных выборов и согласия. Демократическая партия договаривается с народно-республиканской партией. Демократическая партия является антиподом народно-республиканской партии. Джеляль Баяр, председатель демократической партии, произнёс замечательную речь.

— И нас мать родила, — сказал он. — Вы постойте немножечко, а мы теперь посидим у власти... Разве мы не так же хотим есть, как и вы?..

В меджлисе бывают жаркие прения. Два депутата, крепко ругнув друг друга, перешли к пощёчинам.

Я сказал «пощёчинам» и вспомнил: в местности Токат[2] сильное наводнение. Разрушено 238 домов. Скот унесён водой. Погибло 34 человека. Около 5 тысяч соотечественников остались без крова. Дабы полюбоваться на пострадавших, наш министр внутренних дел выехал в Токат. «Красный крест» в Анкаре начал развивать бурную деятельность. Через неделю должна быть создана комиссия по организации помощи. «Красный крест» мобилизует все свои силы и отправит в Токат особым составом 175 палаток, 22 мешка сухарей и ящик свечей...

Наш уважаемый президент находились в это время на скачках и поэтому узнали о происшествии позже. Но тотчас же с помощью привезённой из Америки рации направили в Токат срочное послание примерно такого характера:

«Ждите... Скоро приеду... Пусть приготовится та старуха-крестьянка, которая должна будет плакать у меня на груди, подобно тому, как это было во время землетрясения в Эрзинджане... Хочу вас теперь же порадовать известием, что я велю сделать великолепные фотографии. Приготовьтесь!»

Да, что касается нашей газеты, то она никогда не даёт подробного анализа событий. Каждое событие подкрашивается. И если вы дадите владельцу нашей газеты черенок от метлы, то он и его превратит в невесту.

Таким образом заполняется половина нашей газеты. Остальную её часть разукрашивают наши полицейские и уголовные корреспонденты. Кстати сказать, у них нет недостатка в новостях, ибо одной ногой мы всегда стоим или в полицейском участке или в суде. В нашей стране на каждом шагу совершается преступление.

Юный сын нашего президента Омер эфенди автомобилем раздавил человека ради удовольствия... После этого случая сын ещё одного знатного лица идёт и убивает какого-то врача только за то, что у него красивая жена. Одним словом, в нашей благословенной стране человека убивают так, словно это обыкновенная курица.

Как только совершается преступление, которое могло бы увеличить спрос на газету, мы сейчас же помещаем его под крупным заголовком на первой странице. Если в этом происшествии не замешана женщина, то мы её где-нибудь всё равно раскопаем и впутаем в дело. А если обстоятельства преступления и причины его совершенно очевидны, то мы, для того чтобы ещё больше заинтриговать читателей, что-нибудь изобретаем и набрасываем таинственный покров на это происшествие.

Каждый день около моста или перед Галатой всплывают наверх распухшие трупы. Об этих случаях мы пишем мелким шрифтом и помещаем их в таких местах газеты, где бы они меньше всего бросались в глаза. А если бы ошибиться да набросить вдруг на эти трупы покров таинственности или впутать в это дело кого-нибудь!.. Нет, на это мы не осмеливаемся. Ведь в таких делах всегда бывает замешана тайная полиция. Когда несчастные люди умирают от «усердного допроса», их сбрасывают ночью в море, и тогда уж никто и никогда их не опознает.

Ещё ниже начинаются объявления о купле и продаже. А за ними — объявления о поисках работы... В конторе газеты стоит целый сундук с объявлениями тех, кто ищет работу. Деньги за объявления взыскивают с них сразу. Но такого молодчика, который написал бы безработному ремесленнику или молодому человеку, окончившему лицей или университет: иди, мол, я дам тебе работу, — не оказывается.

Но иногда появляется такое, например, игривое объявление: «Требуется служащий. Женщина нам подойдёт больше. Желающие могут придти по указанному ниже адресу. О характере работы и оплате мы скажем лично...»

Да, вот так заполняется половина четвёртой полосы газеты. А вторую половину мы заканчиваем рекламами:

«Американский музыкальный фильм на турецком языке... Преподаю новейшие американские танцы «свинг» и «самба»... «Лондон-бар» сообщает: поступили новые напитки. Дуэты, соло, варьете... Великолепное обслуживание, изысканное обращение... Эстетические развлечения...»

* * *

И вот все эти строчки, буква в букву, точка в точку, запятая в запятую, проходят у меня и у моего товарища, корректора Муаммера эфенди, перед глазами. После работы мы бываем разбитые и усталые, словно нас поколотили палками.

У меня краснеет лицо, и кажется, что мои уши, горящие пламенем, кусают невидимые муравьи. Муаммер эфенди снимает очки, протирает глаза и говорит:

— Да, друг... Не забывай, что газета — зеркало государства.

Перевёл с турецкого И. ПЕЧЕНЕВ

[1] Бабыали — улица в Стамбуле, где расположены редакции и типографии всех стамбульских газет.
[2] Токат — по-турецки пощёчина.

В ГОСТЯХ У КРОКОДИЛА

(«СТЪРШЕЛ» — «ШЕРШЕНЬ» — болгарский сатирический журнал)

Раз попытались...

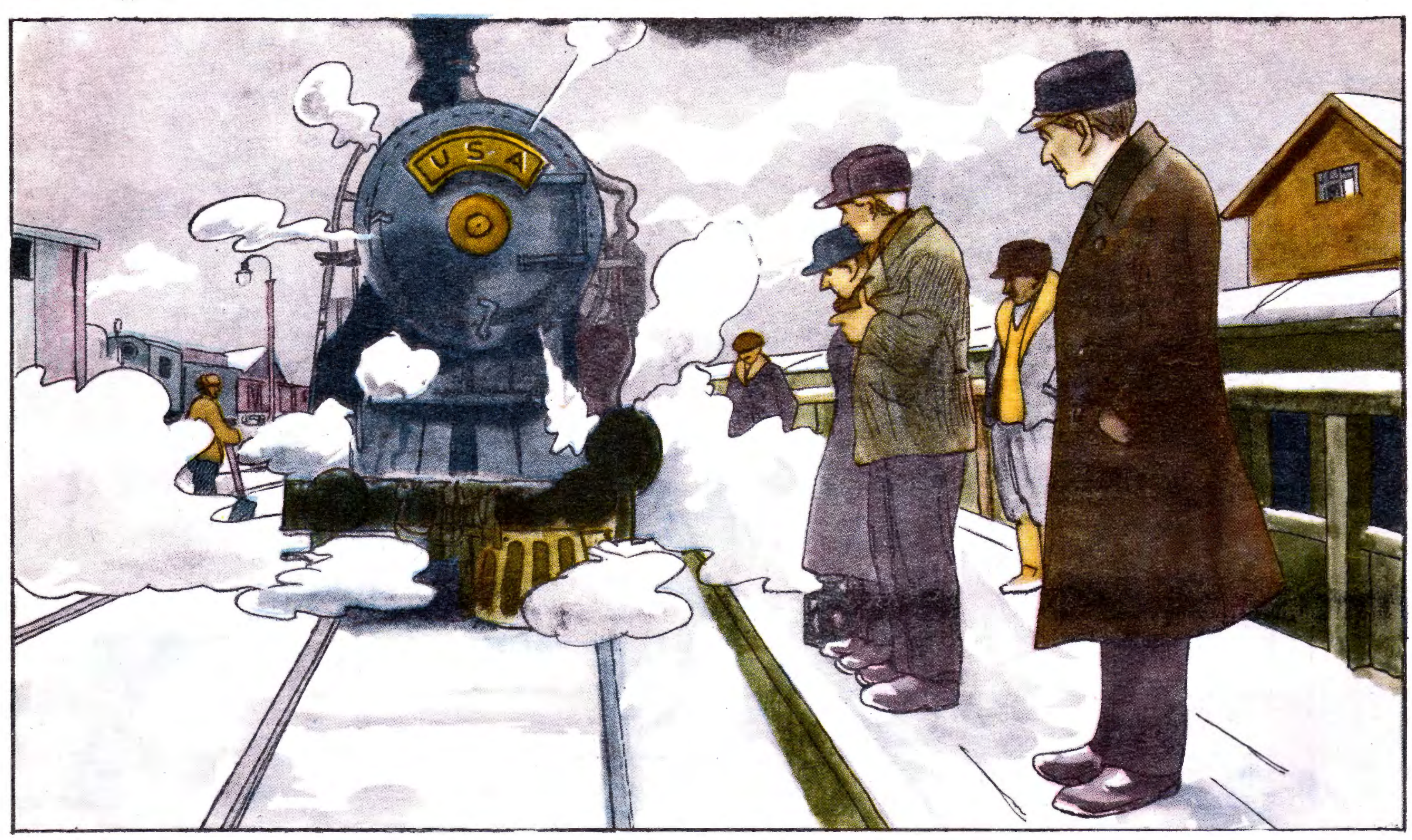
Попытались вторично...

Посмеют ли ещё!..

Рис. Л. БРОДАТЫ

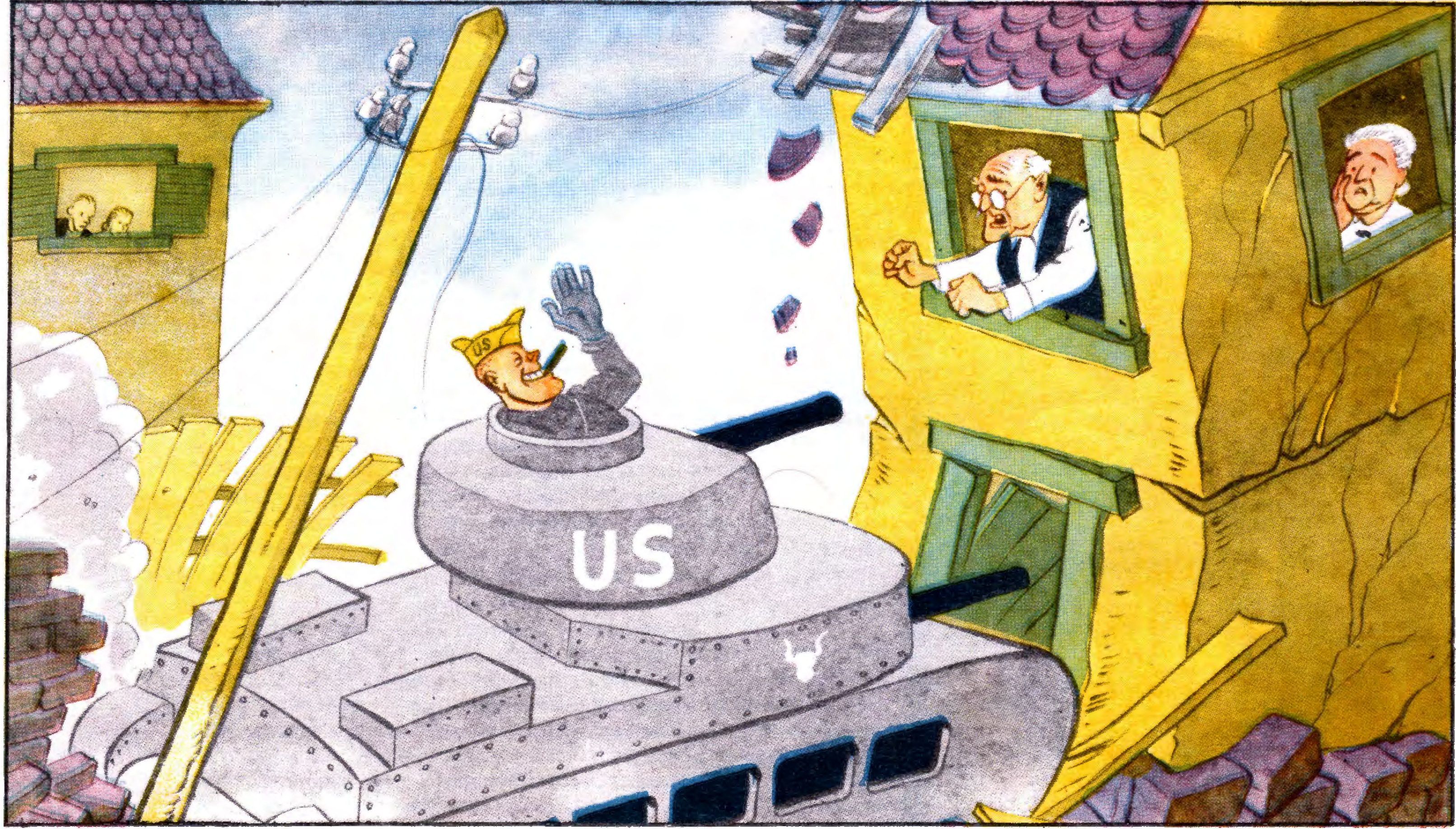
Америка продаёт Финляндии старые, негодные паровозы.

— Как видите, с помощью янки мы далеко не уедем!

Рис. Бор. ЕФИМОВА.

Во время военных манёвров американские оккупанты, находящиеся в Западной Германии, наносят большой ущерб мирному населению.

— Что вы делаете, господа!
— Учимся защищать ваши жилища от угрозы вторжения с Востока!

КАПРАЛ БЕРНАЛЬДЕЦ ЕДЕТ В АМЕРИКУ

ЗА ПРОДОЛЖИТЕЛЬНОЕ время пребывания в филиппинской армии наёмников Жюлермо Бернальдец дослужился только до чина капрала. И кто знает, сколько бы ещё прозябать ему в безвестности, если бы...

Если бы не щедрость президента Кирино. Повинуясь кивку из-за океана, президент объявил крупные денежные награды за головы тех неблагодарных филиппинцев, которые никак не хотят приобщиться к «американскому образу жизни». Однако приманки не помогли. Манильским карателям удалось найти только одного предателя — капрала Жюлермо Бернальдеца. Это он, трусливо, исподтишка выследив свою жертву в городе Маасине, провинции Илоило (о. Панай), убил одного из героев национально-освободительной армии (Хукбонг).

Гнусное убийство вызвало возмущение во всей стране. По Филиппинам прокатилась буря негодования. Каждый честный филиппинец проклинал имя убийцы.

Что же касается манильских властей, то они, хорошо изучив вкусы своих хозяев, вознесли убийцу на пьедестал, провозгласив капрала «героем» дня. Сам министр обороны устроил ему пышный приём.

Лакеи, как известно, проявляют большое рвение, когда они хотят угодить своему хозяину. На сей раз они в виде награды предоставили капралу-убийце... бесплатную поездку в США — к подлинным вдохновителям кровавых оргий на Филиппинах.

И вот Жюлермо Бернальдец отправляется в новоявленную Мекку — на выучку к куклуксклановцам, на стажировку к фашистам из Американского легиона.

Давно известно, что каждый имеет таких друзей, которых он достоин. Родство душ филиппинских убийц неудержимо тянет их к американским «друзьям»-гангстерам. Это закономерно: собака должна лизать руку тому, кто её кормит.

Мих. СЫЧЁВ

ВАТИКАНСКИЕ ТЕОРЕТИКИ

НАХОДЯСЬ на американской службе, Ватикан должен нажимать на «практическую» деятельность — главным образом по заданиям Пентагона. Но это не мешает отцам церкви заниматься и «теоретическими» вопросами.

Католический еженедельник «Таблет» порадовал своих читателей синонимом для американского выражения «О'кей!» Оно отныне будет переводиться на латынь так: «Амен!»

Естествознание всегда было камнем преткновения для Ватикана. Но и в этой области папские прелаты кое-чего достигли.

Баснословный рост цен на мясо в США внушил предприимчивому американскому импортёру К. Гольбергу божественную идею. Он решил скормить американцам в этом году 60 миллионов фунтов китового мяса. Его огорчало только то, что католикам запрещено вкушать мясные блюда по пятницам. Святой престол чутко откликнулся на скорбь своего духовного чада и узаконил потребление китятины в постные дни. Как утверждает американский журнал «Ньюсуик», Ватикан удивил мир таким откровением:

«Кит, будучи млекопитающим, проводит бо́льшую часть жизни под водой. Поэтому он с успехом может считаться рыбой».

Очень возможно, что перед этим состоялся примерно такой разговор:

— Ничего не пожалею! — воскликнул китопродавец.— Озолочу, если китов причислят к лику рыб. Амен!

— Да исполнится воля твоя! — ответствовал папа и закончил набожно: — О'кей!

Г. НИКОЛАЕВ

К СТОПЯТИДЕСЯТИЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ВИКТОРА ГЮГО

Памятник Виктору Гюго в Париже был уничтожен гитлеровцами и до сих пор не восстанавливается парижским муниципалитетом, руководимым Пьером де Голлем.

Рис. Бор. ЕФИМОВА

ГЮГО: — В тот день, когда вернётся республика, вернусь и я.

(Виктор Гюго «Возвращение в Париж»).

И. КОСТЮКОВ

ПОДСЛУШАННЫЙ РАЗГОВОР

ЗИМНИЕ сумерки. Сперва на одной, потом на другой стороне улицы зажглись фонари, а вслед за ними вспыхнула световая реклама, призывающая граждан хранить свои деньги в сберегательной кассе. Редкие и крупные пушистые снежинки, как бабочки-суточницы, лениво кружатся на свету и оседают куда попало — на землю, на деревья, на шапки и воротники прохожих. Падают они и на Ивана Ивановича Фуфаева, который сидит на скамейке городского сквера, дышит свежим воздухом и курит. Фуфаев только что был на сборе пионерского отряда. Там по просьбе любознательных ребят он рассказал о дореволюционной школе, а потом о своей учёбе на рабфаке и в институте. Теперь, отдыхая на скамейке, Иван Иванович всё ещё был под впечатлением беседы с пионерами.

«Да, Иван Иванович! — мысленно говорил он сам себе.— Вот, брат, дела-то какие, а! Молодёжь поучать довелось, опытом жизни делиться, считаются с тобой... Даже неудобно как-то!.. А кем бы ты был, если бы не революция? А? Тьма неумытая, чтоб не сказать хуже. Так, наверное, до гробовой доски ходил бы в Заболотье в подпасках да пастухах. А теперь... теперь пионеры в гости зовут, на собраниях в президиумы выбирают... Да!»

Сам того не желая, Фуфаев дакнул вслух, отчего ему стало неудобно, и он насторожённо посмотрел по сторонам. К счастью Ивана Ивановича, прохожих близко не оказалось. Только на соседней скамейке сидели запорошённые снегом парень и девушка, о чём-то между собой разговаривали и, как показалось Фуфаеву, упомянули его имя. Иван Иванович прислушался.

— Конечно, старых заслуг Ивана Ивановича забывать нельзя,— говорил парень, усиленно жестикулируя руками.— Чего, например, стоит его работа во время войны! Он вместе с другими специалистами завода напряжённо трудился для фронта, обучал женщин и молодёжь работе на станках, недоедал, недосыпал... Короче говоря, он человек и с солидной биографией и с опытом, его хочется уважать.

— Да, да, Костя, ты прав,— соглашается девушка.— Иван Иванович достоин уважения.

«В самом деле обо мне,— обрадовался Фуфаев.— Молодцы ребята! Правда, не совсем прилично подслушивать чужие разговоры, однако интересно: что же они ещё про меня скажут?»

Чтобы остаться неопознанным, Иван Иванович поднял воротник и нахлобучил шапку.

— Но, согласись, Марина, не к лицу такому товарищу жить старым багажом,— продолжал Костя.— В наше время каждый прожитый день можно сравнить с новой книгой. В этой книге есть что-то совершенно новое, отличное от вчерашнего, и если не следить за этим новым, наверняка отстанешь. А Иван Иванович считает: раз он инженер, руководитель отдела, значит, достиг вершины и учиться дальше ему не к чему. Наша задача, Марина,— разъяснить Ивану Ивановичу его ошибку. Сделать это нужно мерами общественного воздействия. В конце концов он должен будет учиться!

«Ай да ребята, ай да молодцы! — криво усмехнулся Фуфаев.— Проучить, значит, меня решили. Мерами общественного воздействия хотят тебя, брат Фуфаев, заставить учиться! Учить учёного!.. Интересно, кто же они, из какого цеха?»

Желая опознать своих критиков, Иван Иванович опустил одну сторону воротника и поглядел искоса на молодых людей. То ли фонарь был слаб, то ли слаба была зрительная память Фуфаева, но он их не распознал.

— Тебе, Костя, надо будет также сказать,— советовала Марина,— что учёба для него — дело не личное, а, понимаешь, общественное, что своим отставанием он сдерживает наше общее движение вперёд...

«Ничего подобного! — мысленно возразил Фуфаев.— Не помню такого случая. Как главный технолог завода, я никому дорогу не загораживал. А если что не сразу делаю, значит, обдумываю. Ведь такие вещи рубить с плеча нельзя. Пообдумать надо, пообмозговать, да то, да сё. Вот оно время-то и набирается».

— Кстати, Костя, ну, а как у него с художественной-то литературой? — продолжала Марина.— Ведь это тоже немалый показатель роста человека. Следит за новинками, читает?

— Читает, но мало,— ответил Костя.— Жалуется на перегрузку. И в театр тоже только от случая к случаю ходит, да и то по настоянию жены.

«Странно! — пожал плечами Фуфаев.— Откуда им всё это известно? Очень странно!»

Молодые люди ещё раз упомянули Ивана Ивановича, но в это время по мостовой проезжала автомашина, гружённая пустыми бутылками, и Фуфаев ничего не расслышал. И только когда утихли выхлопы грузовика и перестали звенеть бутылки, до него снова долетели слова Марины:

— В общем, Костюша, постарайся! Сделай так, чтоб Иван Иванович в конце-то концов стал учиться, расти. Мне хочется видеть его именно таким — всеми уважаемым, передовым человеком нашего времени.

— Я, Марина, тоже так думаю,— ответил Костя.— Одним словом, буду стараться...

«Ничего не понимаю! — подумал Фуфаев.— Ругают и... и тут же добра тебе желают... Пожалуй, надо поговорить с ними. В открытую, напрямик. Только как бы не испугались! Узнают — и сразу испугаются».

После минутного колебания Фуфаев опустил воротник, поправил шапку и подошёл к молодым людям.

— Простите, товарищи,— сказал он, вглядываясь в их лица,— невольно я подслушал ваш разговор насчёт Ивана Ивановича... Только прошу не смущаться. Очень заинтересовался вашей беседой. В порядке любопытства хотелось бы знать ваши, если можно так выразиться, дальнейшие планы и замыслы.

Фуфаев полагал, что, встретившись лицом к лицу со своими критиками, он приведёт их в смущение. Но ничего этого не случилось.

— Намерения мои... Да вы, пожалуйста, садитесь,— предложил Костя, перчаткой смахивая снег со скамейки.— Намерения мои очень даже простые: привлечь внимание общественности к людям, которые, как говорится, не заботятся о своём повседневном росте.

— М-да...— растерянно сказал Фуфаев.— Интересно!.. А... а каким, позвольте узнать, способом вы хотите... это самое... заострить внимание общественности? Написать фельетон или, может быть, на собрании раскритиковать? А? Скажите, если это не секрет.

— Нет, нет! — смутился Костя.— Какие тут могут быть секреты! Видите ли, я учусь в педагогическом институте и там же занимаюсь в литературном кружке. Задумал написать рассказ о человеке, который живёт старым багажом и совсем забросил всякую учёбу. Своего героя я назвал просто Иваном Ивановичем. И решил вот с ней, с Мариной, посоветоваться, типично это будет или нет.

Фуфаев громко крякнул, но теперь уже без всякого стеснения.

— Так, так! — неопределённо сказал он и при этом зачем-то стряхнул снег с рукава.— Значит, выходит, ваш Иван Иванович не конкретная личность, а, так сказать, в некотором роде обобщённый тип?.. Понятно!

— Да, да, это не конкретный.— Костя вопрошающе посмотрел на Фуфаева и сказал: — Вот только я не совсем уверен: типично это или не типично?

— Насчёт типичности, молодой человек, утверждать не буду, но... но случаи такие есть. Встречаются. Да что там случаи! Вот, например... в общем, один знакомый у меня... тоже Иван Иванович... тоже инженер... ну, как две капли, похож на вашего Ивана Ивановича. И ему не раз товарищи говорили: учись, совершенствуйся! Он слушал, соглашался и... откладывал на завтра. Я так и думал: «Это о нём!»

— Значит, стоит, по-вашему, писать на такую тему?

— Да, да! Можно и... и даже нужно. Только, только... мой знакомый Иван Иванович решил, понимаете, учиться. Твёрдо и бесповоротно. И, знаете что, он своё слово сдержит. Обязательно! Это, между прочим, в нашей жизни тоже очень типично!

Фуфаев пожал молодым людям руки, пожелал им всяческого успеха и пошёл дальше. Из темноты всё так же летели редкие пушистые снежинки и, повертевшись на свету, медленно ложились на землю, на деревья, на шапки и воротники прохожих.

ДВОРИК ЗА ЧАСТОКОЛОМ

СТРАНИЦЫ ИЗ СТАРОСВЕТСКОЙ ЖИЗНИ НЕКОТОРЫХ НАШИХ ХОЗЯЙСТВЕННИКОВ

Что и говорить, любят некоторые наши хозяйственники пожить этакой старосветской жизнью! Привлекает их сфера «необыкновенно уединённой жизни, где ни одно желание, — как поведал нам Николай Васильевич Гоголь,— не перелетает через частокол, окружающий небольшой дворик».

Живут такие хозяйственники безмятежно, истово оберегая себя от забот и непредвиденных трудов. Каждое новшество приводит их в трепет. Вот перед нами ведро (смотри фото № 1). Казалось, кого может напугать эта скромная принадлежность кухонного обихода? Однако товарища Н. Н. Наумова, председателя московской артели «Семёновский цинковальщик», она напугала до полусмерти.

— Чего вы так всполошились? — спросили его. — Это — кухонное санитарное ведро. Весьма нужная в хозяйстве вещь.

— Нет, нет! — закричал не своим голосом Наумов. — Уберите его с моих глаз подальше!

— Да ведь это же вами изготовленный образец!

— Нет! Я его и в руки не возьму!

И, представьте, не взял, а удалился в свой ведомственный дворик. А не взял потому, что не хотел нарушить ленивое течение артельной жизни. Новая продукция — возня, хлопоты... Нет, уж лучше жить по старинке!

Да что там ведро! Принесли товарищу В. Ф. Деревицкому, председателю московской артели «Металлоремонт», вот эту безобидную вещицу (смотри фото № 2).

— Это ещё что за новшество? — всполошился товарищ Деревицкий.

— Пресс-пюре. Для картошки. Ускоряет приготовление пюре. Вложил сюда картошку, нажал рычаг, и... готово!

— Оригинальная штука. Только мне она ни к чему. Я больше жареную картошку люблю. А ежели пюре захочется, я и вилкой подавить могу, я не гордый.

— Позвольте! Пресс-пюре должна ваша артель производить! Вещицу эту экспертный совет одобрил!

— Ладно! Изготовим!

И изготовил один опытный образец.

Точно так же поступили в московской артели «Ширпотреб». Они выпустили один портативный складной зонтик (смотри фото № 3). Примеру артели последовал ленинградский завод «Красногвардеец» (директор — товарищ Будагов). Завод удовольствовался несколькими опытными образцами прибора для маникюра (смотри фото № 3).

На фотографии № 4 изображён детский трёхколёсный велосипед. Сколько соблазняли этой моделью председателя одной из артелей Мосгорметизсоюза товарища А. Г. Тюкова! Сколько его обхаживали!

— Вы только поглядите на машину! Лёгкая, удобная, красивая! Детям-то какая радость!

— А мне какая радость? Выпускать их пять тысяч в год? Да вы знаете, что это будет за морока!

— Неужто у вас нет желания сделать хороший подарок детям?

— Нет у меня никаких желаний, — сказал А. Г. Тюков и удалился в тот же огороженный частоколом дворик, где жизнь, по выражению Гоголя, «так тиха, так тиха, что на минуту забываешься и думаешь, что страсти, желания... вовсе не существуют и ты их видел только в блестящем, сверкающем сновидении».

В таком укромном, уединённом уголке обосновались и директор майкопского комбината «Лесомебель» товарищ Некрасов и главный инженер товарищ Ковалёв. Ничто не в силах нарушить медленного течения их дремотной жизни.

— Посовеститесь, товарищи! Ну что за гнутый стул выпускаете! — несутся со всех сторон возмущённые возгласы потребителей.— На таком стуле и сидеть невозможно! (Смотри стул № 1).

— Ничего! Деды на них сиживали, прадеды, и вы изловчитесь!

— Да ведь ваш стул забракован всеми мебельными инстанциями ещё в 1949 году!

— Инстанции нам не указ. Нам на старом стуле спокойнее!

И вот уж много лет никак не уговоришь майкопских мебельщиков начать производство удобного, красивого гнутого стула (смотри стул № 2).

И всё же чудится нам, что недолго придётся ведомственным любителям покоя и тишины хорониться в своём дворике. Нам кажется, что скоро кончится их безмятежная, старосветская жизнь.

ЗА ШАХМАТНОЙ ДОСКОЙ

Музыка М. БЛАНТЕРА

Слова Вл. МАССА и Мих. ЧЕРВИНСКОГО

I

Листья тихо шелестели,
Солнце скрылось за рекой.
Целый вечер просидели
Мы за шахматной доской.
Говорю я: «Очень душно» —
И гляжу на небосвод.
Он молчит и равнодушно
Моего ферзя берёт.
Я смотрю на небосвод
И обдумываю ход.

II

Мы сидим всё в той же позе
Час и три часа подряд,
Только листья на берёзе
Тихо, тихо шелестят.
Говорю: «При лунном свете
Хорошо гулять вдвоём».
Но и тут он не заметил
Очень тонкий ход конём.
Не заметил ничего,
Я лишь пешка для него.

III

У него глаза, как море,
И такая глубина
И такая грусть во взоре,
Что теряю я слона.
Разве это не насмешка?
Как же дать ему понять,
Что в игре любая пешка
Королевой хочет стать?
Ничего я не добьюсь
И поэтому сдаюсь.

Листья тихо шелестели,
Солнце скрылось за рекой.
Целый вечер просидели
Мы за шахматной доской.

ПРИ МЕРЦАНИИ СВЕЧЕЙ

С НЕКОТОРЫХ пор в магазинах Свердловска неожиданно усилился спрос на стеариновые свечи и керосиновые лампы. Потребителем этих осветительных приборов минувших времён оказался так называемый Деловой дом, в котором размещены десятки проектных, сбытовых и иных государственных учреждений города.

Очень не повезло этому дому. Ещё прошлым летом пожарный инспектор обнаружил, что электрическая проводка в Деловом доме устарела, и тут же строжайше предписал: заменить!

Скорые на руку, руководители городского жилуправления тт. Павлов и Шустер немедленно прислали в Деловой дом бригаду монтёров. Монтёры начали долбить стены, срывать провода и распределительные щиты. С утра и до вечера на всех четырёх этажах дома пыль стояла столбом.

Но на этом разрушительном этапе и зачахло дело. Монтёров не обеспечили новым электрическим проводом, они ушли и больше не появлялись. Обходят место свершённого по их указанию разрушения и тт. Павлов и Шустер.

Деловой дом засиял стеариновыми огнями, как новогодняя ёлка. При мерцании свечей здесь ухитрялись проводить даже пленарные заседания.

Но, увы! Пожарный надзор и на свечи наложил законное запрещение.

И ныне с наступлением сумерек смолкает треск пишущих машинок и арифмометров. Проектанты, чертёжники, бухгалтеры складывают в шкафы готовальни, пузырьки с тушью, скоросшиватели. Деловая жизнь в Деловом доме замирает до утренней зари, которая, к счастью, более оперативна, чем свердловские жилуправленцы.

А. НЕКРАСОВ

г. Свердловск.

●

С ПОДЛИННЫМ СКВЕРНО

МАЛЯРНЫЕ ОТКРЫТИЯ

Управляющий Станиславской облсельстройконторой тов. Банников внёс коренные изменения в технологию малярных работ.

Оказывается, достаточно обмыть обыкновенное здание пивом, как оно засверкает всеми цветами радуги.

«Прилагая при этом наше поручение за № 11, — писал управляющий строительной конторой тов. Банников в банк, — просим оплатить его в сумме предъявленного счёта, т. е. 312 руб. 00 коп. Пиво необходимо для осуществления малярных работ по строительству кинотеатра «Комсомолец».

Нет ничего удивительного, если в процессе оштукатуривания кинотеатра тов. Банников срочно внедрит шампанское.

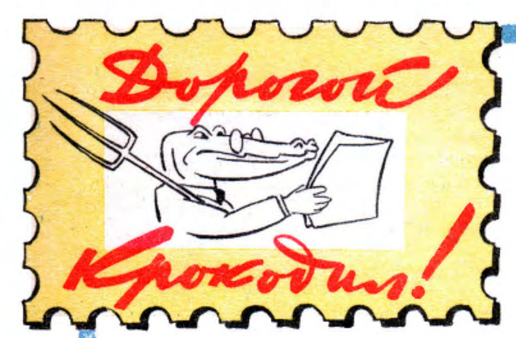
ОЗАДАЧИЛ...

В протоколе недавнего совещания партийно-хозяйственного актива Помошнянского отделения Одесской дороги красуется весьма своеобразное выступление начальника политотдела дороги Григория Калинковича Дихтенко:

«...Мы руководим профсоюзными и комсомольскими организациями, мы полностью отвечаем за их работу, но мы ещё плохо их озадачиваем. Мы их озадачиваем только тогда, когда думаем заслушивать отчёт.

Повседневным же озадачиванием не занимаемся. А мы должны озадачивать их постоянно, проверять, как они выполняют наше озадачивание...»

Григорий Калинкович может считать поставленную им задачу уже частично выполненной: партийно-хозяйственный актив был глубоко озадачен его речью.

(ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ)

Уважаемый Крокодил!

Обращаемся к тебе вторично. В № 21 за прошлый год ты поместил наше письмо о плохой работе Киперченского райпотребсоюза. Нам стало известно, что заместитель председателя правления Молдавского райпотребсоюза тов. Охотский написал тебе, что меры приняты; торговля в кооперативной сети упорядочена.

Не верь, уважаемый Крокодил! И мы таких бумажек немало получили. Но до порядка в наших кооперативах ещё очень далеко.

То в детский дом завезут сапоги 44-го размера, а к нам в МТС для трактористов и комбайнеров сапоги... 36-го размера и мальчиковые стёганые брюки, то оставят наш ларёк без товаров первой необходимости.

Нет, твоё вмешательство не повлияло на наших кооператоров. Но нам оно помогло. Помогло убедиться в том, что тов. Охотский далёк и от потребителей и от своей кооперативной сети.

ПЛОТНИКОВ,
помначполитотдела
Отакской МТС

Дорогой Крокодил!

Студентам строительного техникума во Владимире нужно общежитие. И деньги на строительство — миллион рублей — давно лежат в банке, и место для возведения нового жилого корпуса определено. Но год кончился, а дирекция техникума до сих пор к этим работам не приступила. И, что самое удивительное, исполком городского совета не настаивает на скорейшем освоении отведённого им участка.

А секрет в том, что до начала строительства нужно снести с участка несколько домишек и переселить оттуда жильцов. Техникум давно подготовил для них новые квартиры. Но буквально накануне переселения исполком захватил эти квартиры, пообещав предоставить взамен другие не позднее 15 мая... Только год не был указан.

Дорогой Крокодил, как заставить исполком уточнить это решение, а вместе с тем и выполнить?

Н. ДУШИН

г. Владимир.

КАК НИ СТРАННО, НО...

... томская газета «Красное знамя» утверждает, что сто лет со дня смерти Гоголя исполнится 4 апреля 1952 года.

— Позвольте, что же здесь странного! — скажет редактор газеты тов. Кузьмичёв.

— Нет уж, «позвольте вам этого не позволить», как сказано в «Мёртвых душах».

Потому, что великий сатирик скончался не 4 апреля, а 4 марта 1852 года.

... газета «Вечерний Ленинград» сообщила читателям:

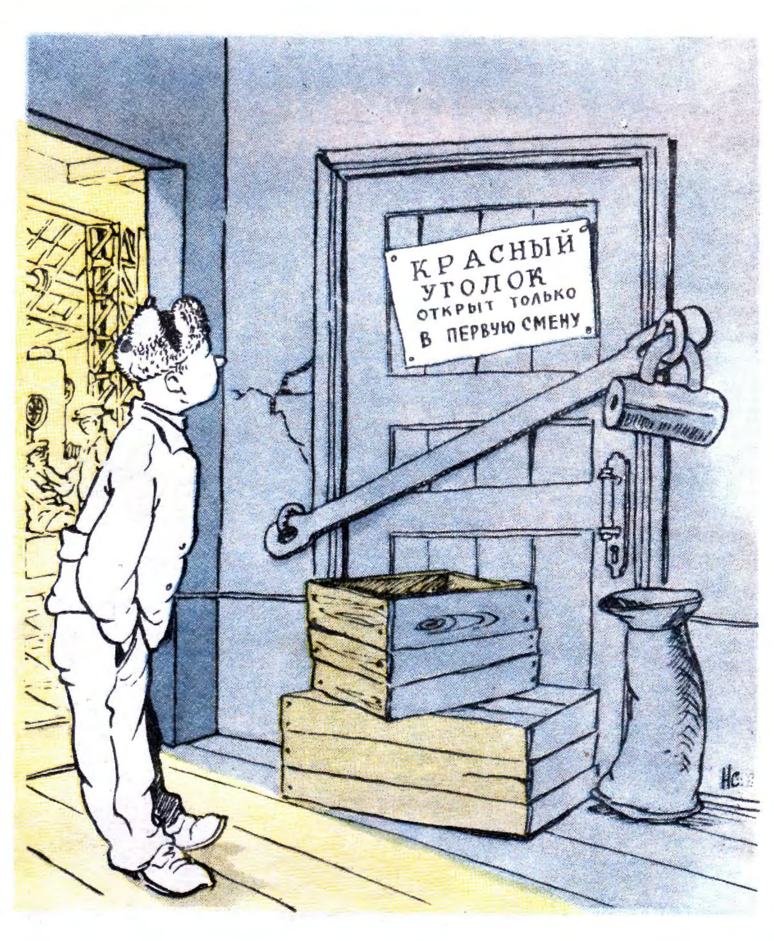
«Сто лет существует мозаичная мастерская Академии художеств, основанная М. В. Ломоносовым».

Читатели интересуются:

— Как же мог Михаил Васильевич, скончавшийся в 1765 году, основать мастерскую через 86 лет после своей кончины?

В НОЧНОЙ СМЕНЕ

Рис. Н. САМОЙЛОВА (г. Коломна)

Снова замерло всё до рассвета...

КРОКОДИЛ ПОМОГ

◇ В № 31 за прошлый год в заметке «Путаники из Усть-Каменогорска» Крокодил писал о безответственном отношении редакции газеты «Большевик Алтая» к публикуемым материалам.

После заметки в Крокодиле ответственный редактор газеты тов. Завьялов с работы снят.

* * *

◇ В том же номере, в заметке «Зона безразличия», Крокодил писал о бездушном отношении работников ЦК профсоюза рабочих электростанций к передовому опыту машиниста Горьковской ГРЭС тов. Березина.

Как сообщает секретарь ВЦСПС тов. Шевченко, заведующему производственно-массовым отделом ЦК профсоюза тов. Щипину поставлено на вид. Решено выявить электростанции, на которых применим опыт работы тов. Березина, и принять меры к его внедрению.

К вызову тов. Березина с докладом в Москву председатель ЦК профсоюза тов. Подушкин не причастен, так как в это время находился на учёбе.

* * *

◇ В № 34 Крокодил писал о том, что государственный стандарт льняной тресты не соответствует фактическим достижениям колхозников-льноводов и при приёмке льна не позволяет правильно оценивать его высокие сорта.

Как стало известно Крокодилу, Центральный научно-исследовательский институт лубяных волокон разрабатывает проект нового ГОСТ'а, который будет соответствовать образцам высокого качества, достигнутым нашими льноводами.

* * *

◇ В № 36 был напечатан фельетон «С Новым годом, родня!» о семейственности на Мукачевском пивоваренном заводе.

По сообщению министра пищевой промышленности УССР тов. Грицюка, директор Мукачевского завода Гелебрандт за неудовлетворительную работу с кадрами с работы снят. Коллегия министерства указала начальнику Укрглавпиво тов. Бровину на допущенную им волокиту в расследовании поступивших ещё ранее сигналов о непорядках на Мукачевском заводе. Министерство обязало Укрглавпиво освободить или перевести на рядовые работы материально-ответственных лиц, состоящих в родстве с главным пивоваром завода тов. Папом.

Решением Закарпатского обкома КП(б)У за нарушение большевистских принципов в работе с кадрами бывший директор завода Гелебрандт привлечён к строгой партийной ответственности.

* * *

◇ До последнего времени бюро жалоб управления Сталинской железной дороги не имело помещения и ютилось в небольшой конурке под лестницей между коммутатором связи и парикмахерской.

После того как в № 34 Крокодил поместил об этом письмо, бюро жалоб получило хорошее и оборудованное помещение.

Главный редактор — Д. БЕЛЯЕВ. Редакционная коллегия: С. ШВЕЦОВ (зам. главного редактора), А. ВАСИЛЬЕВ, Д. ЗАСЛАВСКИЙ, В. КОНОВАЛОВ, И. КОСТЮКОВ, КУКРЫНИКСЫ (М. КУПРИЯНОВ, П. КРЫЛОВ, Н. СОКОЛОВ), С. НАРИНЬЯНИ, И. РЯБОВ.

Изд-во „Правда". Адрес ред.: Москва, 40, ул. „Правды", 24. Тел. Д 3-32-50, Д 3-33-47. Приём ежедневно с 1 до 5 часов. Подписная цена на журнал — 3 руб. 60 коп. в месяц.

Москва. Изд № 147. Подписано к печати 11/II 1952 г. Статформат 72×105 см. Печ. л. 2 Кол. зн. в 1 печ. л. 78 000.

А 01022. Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, ул. «Правды», 24. Заказ № 400. Тираж 300 000 экз.

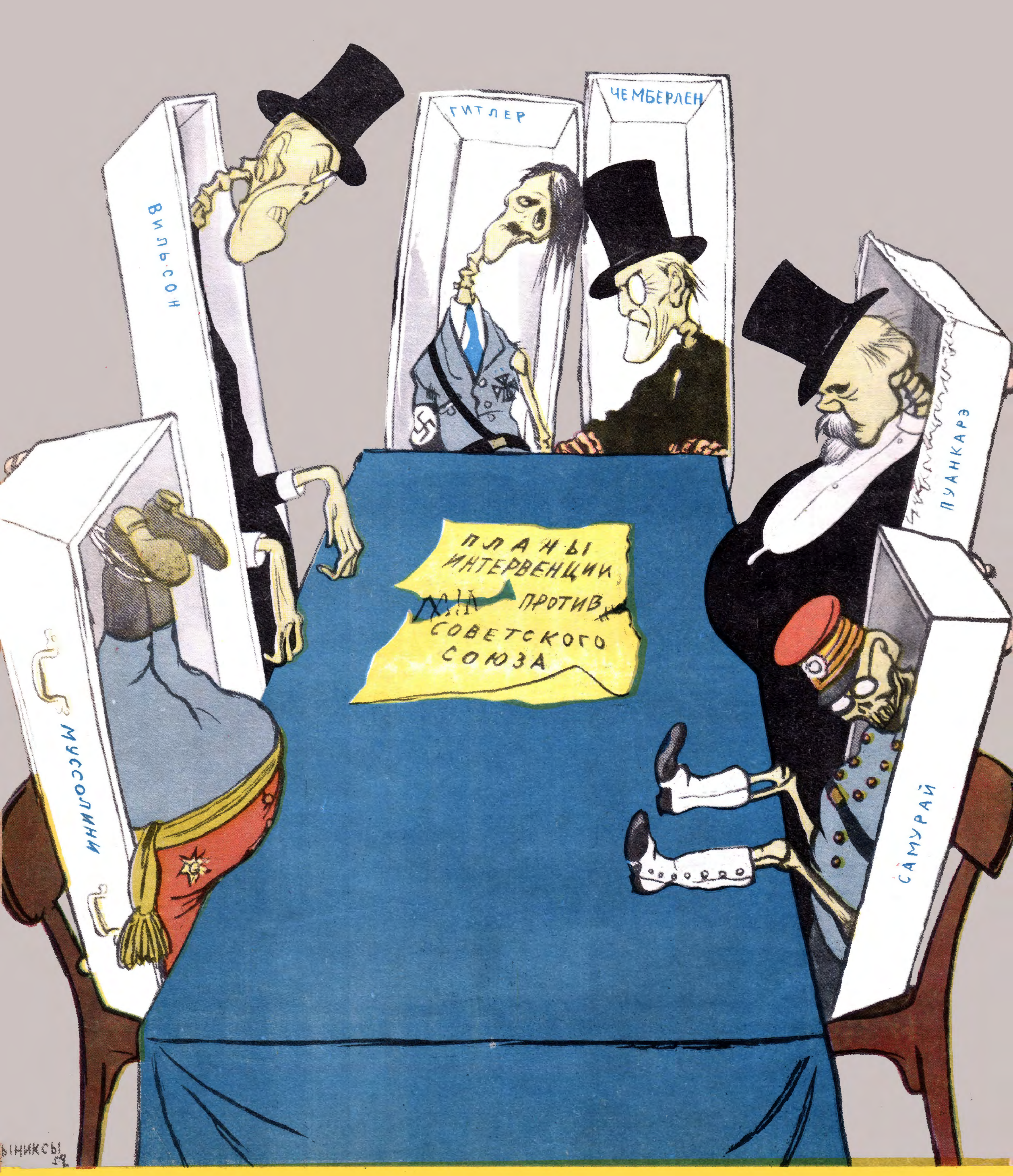

Рис. КУКРЫНИКСЫ

Вечер воспоминаний о встречах с Советской Армией проходил при гробовом молчании присутствующих.